

Мартин Лютер

Письмо папе Льву X

Лютер М. Письмо папе Льву X
Открытое письмо папе Льву X

Льву X, папе римскому, от Мартина Лютера, с пожеланием спасения во Христе Иисусе, Господе нашем. Аминь.

Живя среди чудовищ века сего, с которыми я веду войну вот уже третий год, я вынужден порой взирать на вас, и думать о вас, благословеннейший отец. В самом деле, поскольку к вам относятся порой как к основному и единственному объекту моей борьбы, я просто не могу не думать о вас. Разумеется, незаслуженный гнев по отношению ко мне со стороны ваших нечестивых лицемеров вынудил меня обратиться от вашего престола к будущему собору, игнорируя декреталии ваших предшественников, Пия и Юлия, с бездумным деспотизмом запретивших такое обращение. Тем не менее, я никогда не отчуждал себя от Вашего Святейшества до такой степени, чтобы от всего сердца не желать вам и вашему престолу всяческого благословения, о котором я умолял Бога в искренних молитвах, прилагая к этому все свои способности. Действительно, я был настолько дерзок, что позволял себе презирать и глядеть высокомерно на тех, кто пытался запугать меня величием вашего имени и власти. Однако существует нечто такое, что я не могу игнорировать и что заставляет меня еще раз писать вам, ваше Святейшество. Мне стало известно, что я обвиняюсь в великой неучтивости, и, как утверждают, моя великая вина состоит в том, что я не считаюсь даже с вашей личностью.

Я могу чистосердечно поклясться, что, по моему разумению, я говорил только добрые и уважительные слова относительно вас всякий раз, когда я о вас думал. И если бы мои поступки были иными, то я сам ни в коем случае не мог бы мириться с этим, а должен был бы полностью согласиться с осуждением, возводимым против меня; и для меня бы не было ничего более радостного, чем отречься от такой непочтительности и неблагочестивости. Я называл вас Даниилом в Вавилоне; и каждый, кто читает написанное мною, знает, с каким усердием я защищал вашу непогрешимость от клеветника Силвестера [3]. Воистину, ваша репутация и молва о вашей непорочной жизни, прославляемые по всему миру в писаниях многих великих людей, слишком хорошо известны и слишком уважаемы, чтобы им мог причинить ущерб кто-либо, сколь бы велик ни был этот человек. Я не настолько глуп, чтобы нападать на того, кого все люди прославляют. Фактически, я всегда пытался — и буду пытаться впредь — не нападать даже на тех, кто не пользуется уважением в обществе, ибо я не нахожу для себя удовольствия ни в чьих недостатках и ошибках, поскольку осознаю, что имею "бревно в собственном глазу". Действительно, я не мог бы первым бросить камень в женщину, уличенную в прелюбодеянии (Ин. 8, 1—11).

Я, конечно, резко нападал на безбожные учения в целом, упрекая своих оппонентов не за их безнравственность, но за безбожие. В этом я не собираюсь раскаиваться ни в малейшей степени, скорее я полон решимости с неистовым усердием продолжать это и далее, пренебрегая людским осуждением и следуя примеру Христа, Который, в Своем усердии, называл Своих противников "змиями и порождениями ехидниными", "безумными и слепыми", "лицемерами", "детьми дьявола" (Мф. 23, 13, 17, 33; Ин. 8, 44). Павел заклеил волхва (колдуна Елима) словами: "исполненный коварства и всякого злодейства, сын дьявола" (Деян. 3, 10), других же [подобных] он называет "псами", "лукавыми делателями" и "любодеями" (Фил. 3, 2; 2Кор. II, 13; 2, 17). Если вы предоставите судить людям с обостренными чувствами, они не назовут более язвительного и необузданного обвинителя, чем Павел. Кто язвительнее пророков? В наши дни неистовствующая толпа льстецов сделала нас настолько изнеженными, что, едва столкнувшись с неодобрением [нашего мнения], мы вопим о том, что нам причинили острую боль. Когда мы не можем более противостоять

истине своими отговорками, то убегаем прочь, ссылаясь на [чей-то] неистовый нрав, нетерпимость и неприличие. Что пользы от соли, если она не имеет вкуса? * Как использовать лезвие меча, если оно не режет? "Проклят, кто дело Господне делает небрежно..." (Иер. 48, 10).

Таким образом, превосходнейший Лев, я молю вас выслушать меня после того, как я оправдался этим письмом, и верить мне, когда я говорю, что никогда не думал дурно о вас лично, что я такой человек, который желает вам всех благ во веки вечные, и что мои претензии ни к одному человеку не касаются его личных моральных качеств, но имеют отношение только к слову истины. Во всех остальных вопросах я уступлю любому человеку в чем угодно, но у меня нет ни права, ни желания отрицать Слово Божье. Если кто-то имеет обо мне другое мнение, то он не размышляет честно либо не понимает истинного смысла моих слов.

Я воистину презрел ваш престол, Римскую курию, которая, однако, является более развращенной, чем любой существовавший когда-либо Вавилон или Содом, — этого не можете отрицать ни вы, ни кто-либо другой, — и которая, как я вижу, характеризуется полнейшей испорченностью, безнадежностью и печально известным безбожием. Я был весьма удовлетворен тем фактом, что хорошие христиане насмеются над вашим именем и над всей Римской Католической церковью. Я противостоял и буду продолжать противостоять вашему престолу до тех пор, пока дух веры живет во мне. Это не значит, что я буду бороться за невозможное или надеяться, что только лишь благодаря моим усилиям что-то будет достигнуто в этом "Вавилонском столпотворении", где ярость столь многих льстецов обращена на меня. Но я признаю свой долг перед моими христианскими братьями, которых я обязан предупредить о том, что некоторые из них могут пострадать от язв Рима, чтобы, по крайней мере, полученный ими ущерб был не столь велик.

Как вы знаете, много лет из Рима проистекало подобное всемирному потопу влияние, не несшее ничего, кроме опустошения человеческих тел, душ и имущества, распространявшее самые отвратительные примеры всего наихудшего. Всем совершенно ясно, что Римская Католическая церковь, некогда святейшая из церквей, превратилась в самый безнравственный вертеп разбойников (Мф. 21,13), в наипостыднейший бордель, в царство греха, смерти и преисподней. Это столь отвратительно, что даже сам антихрист, если бы он пришел, не смог бы ничего добавить к этому злу.

Тем временем вы, Лео, сидите, как агнец среди волков (Мф. 10, 16), или же как Даниил среди львов (Дан. 6,16). Подобно Иезекиилю, вы живете со скорпионами (Иезек. 2,6). Как же вы можете один противостоять всем этим чудовищам? Даже если бы вы могли призвать себе в помощь трех-четыре хорошо образованных и надежных кардиналов, — что они все среди такого множества? Вы все были бы отравлены, не успев издать и декрета, способного хоть как-то исправить ситуацию. Римская курия уже погибла, ибо неумолимый гнев Божий обрушился на нее. Она создает церковные советы, она боится Реформации, она не может справиться со своей собственной развращенностью, и то, что сказано о ее "родителе" ^ Вавилоне, справедливо также и по отношению к ней: "Врачевали мы Вавилон, но не исцелился; оставьте его..." (Иерем. 51, 9).

Исправление этих пороков было вашей обязанностью и обязанностью ваших кардиналов, но "сгустки" этих пороков насмеются над исцеляющей рукой и ни повозка, ни лошадь не слушаются вожжей [Vigil Georgics i.514]. Движимый любовью к вам, я всегда сожалел, превосходнейший Лео, что вам довелось стать папой в эти времена, ибо вы достойны того, чтобы быть папой в лучшие дни. Римская курия не достойна того, чтобы такой человек, как вы, был в ней папой, но сам сатана должен был бы занять эту должность, ибо он действительно сейчас имеет в этом Вавилоне большую власть, чем вы.

Если бы вы могли отказаться от хвастливых утверждений ваших самых развратных врагов, — якобы ваша слава и могущество существуют за счет вашего личного скромного священнического дохода или благодаря наследству вашей семьи! Никто из людей не достоин такой славы, кроме Искарियों, сынов погибели. Чего вы достигли в Римской курии, мой

Лев? Чем более преступным и мерзким является человек, тем с большей радостью он использует ваше имя для того, чтобы разрушать имение и души человеческие, увеличивать преступность, подавлять веру, истину и всю церковь Божию. О, несчастнейший Лев, вы сидите на самом ужасном престоле. Я говорю вам истину, потому что желаю вам добра.

Если Бернар испытывал жалость к Евгению [6] в те времена, когда Римский престол, — уже и тогда, впрочем, весьма развращенный, — имел [тем не менее] лучшие перспективы, то почему бы не посетовать нам — тем, кто вот уже на протяжении трехсот лет сталкивается со столь великим ростом порочности и развращенности? Разве не является правдой, что под всеми небесами нет ничего более развращенного, более тлетворного и пагубного, более отвратительного, чем Римская курия? Она превосходит безбожие мусульман настолько, что, хотя она и была некогда вратами небесными, теперь она является пастью ада, такой пастью, которую не может закрыть [даже] гнев Божий. Как я уже говорил, мы можем предпринять лишь одно: попытаться призвать некоторых из этой развращающейся бездны и спасти их.

Теперь вы видите, мой отец Лев, как и почему я столь неистово нападаю на этот пагубный престол. Я был так далек от яростных нападок на вашу личность, что даже надеялся, что могу снискать вашу благосклонность и спасти вас, если бы я мог произвести сильное и успешное нападение на ту темницу, которая воистину является вашим адом. Ибо вы, ваше спасение, и спасение многих других вместе с вами, — это единственное, что благочестивые люди могут противопоставить мраку порочной курии. Люди, всячески вредящие курии, — действуют во благо вашему служению; те, кто всячески проклинают ее, — прославляют Христа. Короче говоря, они являются христианами, не принадлежащими к Риму.

Вдобавок к этому, я никогда не намеревался нападать на Римскую курию или вступать в какие-либо дискуссии о ней. Но когда я увидел, что все попытки спасти ее безнадежны, я исполнился к ней презрением, написал ей "разводное письмо" (Втор. 24,1) и сказал: "Неправедный пусть еще делает неправду; нечистый пусть еще осквернится" (Откр.22, 11). Затем я обратился к спокойному и смиренному изучению Святых Писаний, чтобы суметь оказать помощь моим братьям, окружающим меня. Когда же я достиг некоторого прогресса в этих исследованиях, дьявол открыл свои глаза и исполнил своего слугу Иоганна Экка — выдающегося врага Христова, — ненасытной страстью к славе и, таким образом, подтолкнул его к втягиванию меня в невольные дебаты, давая на меня значением одного маленького словечка, которое я обронил относительно главенства Римской Католической церкви. Затем этот самонадеянный хвостун [7] с пеной у рта и скрежетом зубов заявил, что он поставил бы на карту все, ради славы Божьей и чести апостольского престола. Злопыхая [ожидаемой с моей стороны] перспективой оскорбления вашей власти, он с уверенностью предвкушал победу надо мной. Он был не столько озабочен учреждением главенства Петра, сколько демонстрацией своего собственного лидерства среди теологов нашего времени. Преследуя эту цель, он считал немалым преимуществом победу над Лютером. Когда же дебаты закончились неудачей для софистов, невероятное безумие одолело этого человека, ибо он посчитал, что разоблачение мною всей подлости и низости Рима [римской католической церкви] было полностью его виной.

Позвольте мне, я молю; превосходнейший Лев, на этот раз изложить мое дело и предъявить обвинение вашим настоящим врагам. Вы знаете, я полагаю, каковы мои отношения с вашим легатом ', кардиналом Каэтаном, глупым и несчастным, а скорее даже ненадежным человеком. Когда из почтительности к вашему имени я предал себя и свое дело в его руки, он не попытался заключить мир. Он мог бы сделать это, произнеся одно слово, ибо в то время я обещал хранить молчание ради окончания дискуссии, при условии, что моим противникам будет приказано поступить аналогично. Однако, поскольку он был человеком, ищущим славы, тоне удовлетворился таким соглашением и начал защищать моих оппонентов, дав им полную свободу, а мне приказав отречься, хотя это и не входило в его полномочия. Когда дела шли довольно неплохо, он, своим грубым деспотизмом, намного усугубил их. Таким образом, Лютер не виноват в том, что произошло потом. Вся вина

ложится на Каэтана, который не позволил мне сохранить молчание, о чем я самым искренним образом просил его тогда. Что же еще мне оставалось делать?

Далее последовал Карл Мильтиц [9], также нунций Вашего Святейшества, который приложил массу усилий, приезжая и уезжая много раз, и не сделав ничего для восстановления того положения, которое Каэтан грубо и невежественно нарушил. Наконец он, с помощью прославленного курфюрста Фридриха, организовал несколько частных совещаний с моим участием [10]. Снова я уступил из уважения к вашему имени, был готов хранить молчание и даже принять в качестве арбитра архиепископа Трирского, или епископа Наумбургского. Итак, все складывалось хорошо. Однако, в то время как все это улаживалось с хорошими перспективами на будущее, другой и еще больший ваш враг Экк вмешался с Лейпцигским диспутом, предпринятым им против доктора Карлштадта. Когда возник новый вопрос о главенстве папы, он неожиданно повернул свое оружие против меня и полностью расстроил наш уговор о поддержании мира. Тем временем Карл Мильтиц ждал. Диспут был назначен и судьи избраны. Но снова не было принято никакого решения, что неудивительно, потому что из-за лжи, уловок и изворотливости Экка все было смешано и запутано еще хуже, чем когда-либо. Вместо [конструктивного] решения, которое могло бы быть достигнуто, разгорелся еще больший пожар, ибо он искал славы, а не истины. И снова я совершил все, что от меня зависело.

Я допускаю, что в таком случае ни малейшего намека на развратные римские порядки не выплыло бы на свет, но все, что бы ни делалось плохого, происходило по вине Экка, который взял на себя задачу не по своим силам. Безрассудно стремясь к собственной славе, он открыл позор Рима всему миру. Этот человек ваш враг, мой дорогой Лев, или, скорее, враг вашей курии. На одном только его примере мы видим, что нет врага более пагубного, чем льстец. Чего он достиг своей лостью, кроме зла, которого не мог бы совершить даже король? Имя Римской курии сегодня — это зловоние, распространяющееся по всему миру, папская власть чахнет, и римское невежество, некогда почитаемое, пользуется дурной славой. Мы не услышали бы ничего из всего этого, если бы Экк не нарушил мирный договор, установленный Карлом [фон Мильтицем] и мною. Теперь Экк и сам отчетливо понимает это и, хотя уже слишком поздно, да и бессмысленно, он взбешен тем, что моя книга вышла в свет. Ему следовало подумать об этом тогда, когда, подобно весело ржущей лошади, он безумно стремился к собственной славе и предпочел свою выгоду вашей, подвергая вас опасности. Этот тщеславный человек думал, что я остановлюсь и буду хранить молчание из страха перед вашим именем, потому что я не уверен, что он полностью полагается на свой разум и свою ученость. Теперь, когда он видит, что я оказался более храбрым [чем он думал] и не умолк, он раскаивается в своей поспешности, но слишком поздно, и он понимает, — если действительно, наконец, до него это доходит, — что на Небесах есть Тот, Кто противится гордым, а смиренным дает благодать (1Пет. 5, 5).

Поскольку из этого диспута мы не получили ничего, кроме еще большей путаницы в доводах Рима, Карл Мильтиц, в третьей попытке установить мир, обратился к старейшинам Августинского ордена, собравшимся на свой совет, и хотел получить от них помощь в улаживании полемики, которая разрослась до опасных и беспокоящих масштабов. Поскольку, по благоволению Божьему, у них не было возможности воздействовать на меня силовыми методами, некоторые из их самых известных людей были посланы ко мне. Эти люди просили меня по крайней мере проявить уважение к личности Вашего Святейшества и в смиренном письме защитить вашу, — а в этом случае и мою, — непогрешимость. Они говорили, что дело еще не безнадежно, при условии, что Лев X, по своему природному великодушию, примет в нем участие. Поскольку я всегда предлагал мир и желал его, чтобы иметь возможность посвятить себя более спокойным и мирным исследованиям, а столь яростно бушевал только для того, чтобы преодолеть своих неравных оппонентов силой и громогласностью слов, не менее, чем разумом, — я не только с радостью унялся, но также с ликованием и благодарением посчитал это предложение за великую любезность по отношению ко мне, при условии, что наши надежды исполнятся.

Итак, я прихожу, благословеннейший отец, и, пав ниц пред вами, молю о том, чтобы вы вмешались и остановили этих льстецов, являющихся врагами мира, хотя они и притворяются при этом его поборниками. Но пусть никто не думает, что я отрекусь, если он не желает еще более запутать весь этот вопрос. Более того, я не признаю никаких установленных правил истолкования Слова Божьего, поскольку для Слова Божьего, преподающего свободу во всех отношениях, нет уз (2Тим. 2, 9). Если два эти момента признаются, то нет ничего такого, что я не мог бы сделать с превеликим желанием, или с чем я не смог бы смириться. Я ненавижу раздоры. Я никому не буду бросать вызов. С другой стороны, я не хочу, чтобы другие бросали вызов мне. Если они делают это, то, поскольку Христос является моим Учителем, я не останусь в безмолвии. Стоит только этому диспуту предстать пред вами и войти в спокойное русло, Ваше Святейшество сможет одним коротким и метким словом заставить замолчать обе стороны и повелеть им заключить мир. Это именно то, что я всегда и хотел услышать.

Таким образом, мой отец Лев, не слушайте тех сирен, которые притворно поют о том, что вы не просто человек, но полубог, так что вы можете заповедовать и требовать все, что вам угодно. Так не будет, и вы не будете обладать столь удивительной властью. Вы раб всех рабов", и ваше положение более ужасно и ничтожно, чем положение всех людей. Не давайте ввести себя в заблуждение людям, притворно утверждающим, что вы — господин мира, не позволяйте никому считаться христианином только до тех пор, пока он признает вашу власть и болтает о том, что вы имеете власть над Небесами, преисподней и чистилищем. Эти люди — ваши враги, стремящиеся погубить вашу душу (1Цар. 19, 10), как говорит пророк Исаия: "Народ Мой! вожди твои вводят тебя в заблуждение, и путь стезей твоих испортили" (Ис. 3, 12). Превозносящие вас над собором и вселенской Церковью, заблуждаются. Приписывающие только вам одному право истолковывать Писание ошибаются. Под защитой вашего имени они стремятся обрести одобрение всех своих порочных деяний в церкви. Увы! С их помощью дьявол уже добился больших побед над вашими предшественниками. Короче говоря, не верьте никому, кто превозносит вас, верьте тем, кто призывает вас к смирению. Таков суд Божий, что Он "...низложил сильных с престолов и вознес смиренных" (Лк. 1, 52). Видите, насколько отличается Христос от Своих последователей, хотя все они хотели бы быть Его наместниками. Человек является наместником [заместителем] только в том случае, если тот, кто стоит над ним, отсутствует. Если папа правит, в то время, пока Христос отсутствует, и не обитает в его сердце, то кто же он еще, если не наместник Христа? Что же тогда представляет собой церковь, управляемая таким наместником, если не сборище людей без Христа? Кто же тогда, в самом деле, этот наместник, если не антихрист и не идол? Насколько же более правильно апостолы называли себя слугами существующего Христа, а не наместниками Христа отсутствующего?

Возможно, я дерзок в своей попытке поучать столь возвышенную персону, у которой все мы должны учиться и от которой престолы судей получают решения, как хвастаются ваши отвратительные поклонники. Но я следую примеру Св. Бернара и его книги, посвященной папе Евгению, — книги, которую все папы должны знать наизусть. Я следую его примеру не потому, что стремлюсь поучать вас, но из чистой и преданной заботы, которая вынуждает нас быть заинтересованными во всех делах ближних наших, даже когда они защищены, и которая [забота] не позволяет нам принимать во внимание их сан, или отсутствие такового, поскольку эта забота имеет отношение только к опасностям, с которыми они сталкиваются, или пользе, которую они могут извлечь. Я знаю, что Ваше Святейшество очень загружено работой и подвергается нападкам в Риме, то есть, что далеко в море вы окружены со всех сторон опасностями и работаете очень напряженно в этой печальной ситуации, так что вы нуждаетесь даже в самой маленькой помощи со стороны наименьших из ваших братьев. Поэтому я не считаю нелепым то, что я забываю о вашем возвышенном служении и исполняю то, что требует [от меня] братская любовь. Я не желаю льстить вам столь серьезным и опасным образом. Если люди не понимают того, что я ваш друг, и самый смиренный ваш подданный в этом деле, то ведь есть Ищущий и Судящий

(Иоан. 8, 50).

Наконец, дабы не прийти к вам с пустыми руками, благословенный отец, я посылаю вам сей скромный трактат [12], посвященный вам, как символу мира и доброй надежды. По этой книге вы можете судить, какими исследованиями я предпочел бы занять себя с большей пользой, при условии, что ваши безбожные льстецы позволили и позволяли бы мне [это] в прошлом. Это небольшая брошюра, если вы обратите внимание на ее размеры. Однако, если я не ошибаюсь, в ней содержится в краткой форме вся христианская жизнь, при условии, что вы поймете смысл того, о чем в ней говорится. Я бедный человек и не могу предложить вам другого дара, да и вы не нуждаетесь в обогащении другими дарами, кроме даров духовных. Да сохранит вас Господь Иисус вовеки. Аминь.

Виттенберг, 6 сентября, 1520 г.